

Введение в литературоведение

Хрестоматия

УДК 82
ББК 83
В 24

**Учебный
абонемент**

Рецензенты:

докт. филол. наук, проф. *Т.В. Саськова*;
докт. филол. наук, проф. *С.М. Шаврыгин*;
канд. филол. наук, доц. *И.А. Беляева*

В оформлении книги использованы фрагменты:
Антуан Ватто «Паломничество на остров Киферу»;
Ян ван Эйк «Мадонна канцлера Ролена (Мадонна из Отена)»;
Сandro Боттичелли «Аллегория весны».

796744

Библиотека
Университета
государственного
г. Ижевск

Введение в литературоведение. Хрестоматия: Учеб. пособие / Сост.: П.А. Николаев, Е.Г. Руднева, В.Е. Хализев, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек, Е.А. Цурганова; Под ред. П.А. Николаева, А.Я. Эсалнек. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 2006. — 463 с.

ISBN 5-06-005481-0

Хрестоматия включает материалы, необходимые студенту-словеснику при изучении курса «Введение в литературоведение». Четвертое издание (3-е — 1997 г.) значительно обновлено за счет не привлекавшихся ранее текстов и обзора современного зарубежного литературоведения, способствующих более глубокому освоению сложного курса.

Для студентов-филологов высших учебных заведений.

УДК 82
ББК 83

ISBN 5-06-005481-0

© ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2006

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещается.

РАЗДЕЛ VI

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Современное теоретическое литературоведение начало формироваться на рубеже XIX—XX в. Оно принципиально отличается от нормативного поэтико-риторического учения Аристотеля, более двух с половиной тысяч лет считавшегося эталонным. Современная теоретическая поэтика, «наука о литературе» (по определению Р. Барта) складывалась в результате осознания того, что в области литературы существуют законы, общие для всех литературных произведений в какую эпоху они ни были бы созданы. Общая поэтика направлена на изучение природы и логики «литературного мышления» как такового, на выявление «литературной способности» постигать закономерности и механизмы литературной формы, упорядочивающей любое конкретное содержание, на осознание существования объективных правил, составляющих «великую логику символов»¹

Мысль о существовании определенной «грамматики», которой подчиняются все литературные произведения, одним из первых высказал виднейший представитель романтизма С.Т. Колридж в работе «*Biographia literaria*» (1817). «Поэзия... включает в себе определенную логику, не менее строгую, чем логика науки; ее труднее постичь, ибо она менее заметна, сложна и зависима от множества неуловимых, мимолетных причин. Истинно великие поэты... всегда не только знали, какое слово уместно в том или ином контексте, но и точно определяли его место в предложении...»².

В эпоху романтизма субъект поэтической деятельности из «мастера», неукоснительно следующего каноническим образцам (*maker*), также превратился в неповторимого творца (*creator*) своего произведения. Нормативно-риторический подход к произведению искусства, представление о произведении — продукте начало вытесняться пред-

¹ См. *Barthes R. Critique et vérité. P. 1966. P. 57—59.*

² *Кольридж С.Т. Избранные труды. Biographia literaria. М., 1987. С. 41.*

ставлением о произведении, высшей ценностью которого была его оригинальность. Вместе с тем объект науки о литературе — не отдельный литературный факт, а законы, его объясняющие. «Теоретическая поэтика разрабатывает систему литературоведческих категорий и дает их понятийно-логический анализ. Историческая поэтика связана с теоретическими отношениями дополнительности. Она изучает происхождение и развитие этой системы»¹.

Историю общей поэтики еще предстоит написать, хотя все без исключения школы современного литературоведения — и в первую очередь русский формализм и французский структурализм — выходили в той или иной мере на решение этой задачи. Главное средоточие интересов представителей разных теоретико-литературных направлений в XX в. — литературное произведение, «эстетический объект». В соответствии с тем, какие аспекты литературного произведения находятся в центре внимания, исследователи выделяют следующие методологические концепции:

1. Теории, ориентированные на **текст**: формально-структуралистские подходы; «новая критика»; нарратология.

2. Теории, ориентированные на изучение **автора**: биографический и психоаналитический подходы (в том числе феминистски ориентированное литературоведение), феноменологические исследования.

3. Теории, ориентированные на **читателя**: рецептивная эстетика и история восприятия; историко-функциональные исследования.

4. Теории, ориентированные на **контекст** литературный и культурно-исторический: интертекстуальные исследования, социологический и историко-материалистический подходы, «новый историзм» и культурологическая методология; сравнительное литературоведение.

Наиболее перспективным представляется опыт «рассмотрения *состава и строения литературного произведения на базе синтезирующей установки*: взять как можно больше из того, что сделано литературоведами разных направлений и школ, взаимно согласуя имеющиеся суждения»². «Важно, чтобы теоретическое литературоведение впитало в себя как можно больше живого и ценного из разных научных школ»³.

¹ Бройтман С.Н. Историческая поэтика//Теория литературы: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 4.

² Романова Г.И. Практика анализа литературного произведения (русская классика). М. 2005. С. 240.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002. С. 10.

Представление о путях формирования теоретической поэтики невозможно получить без знания истории борьбы различных литературоведческих направлений XX в. и постепенного расширения предмета ее исследования.

В панораме литературоведческих концепций истекшего столетия особый интерес представляют идеи, которым удалось реконструировать «старое» литературоведение, создать новые методологические системы. Современный филолог не обнаружит в деятельности западных литературоведов XX в. схождения всех путей к единому перекрестку, подчиненности мыслей и действий одной истине или одной ценности. Необычайное углубление, свойственное каждой школе западного литературоведения, — результат специализации, выявляющей ее методологическую оригинальность. Если вплоть до конца XIX — начала XX в. изучение литературы было сконцентрировано вокруг ее истории, то в 20—30-е годы историко-литературные исследования подверглись серьезной критике, и литературные явления стали высвобождаться из-под власти диахронического анализа. Одна из важнейших проблем, с которой столкнулись литературоведы в XX столетии, — поиски оснований для сотрудничества с другими гуманитарными дисциплинами. Огромное влияние на исследование литературных текстов оказали лингвистика, семиотика, психоанализ.

На протяжении всего XX в. важным теоретическим аспектом деятельности литературоведов самой разной ориентации была семиотика. Один из основателей Пражского лингвистического кружка Ян Мукаржовский в 1934 г. сформулировал взгляд на произведение искусства как на «особый тип структуры, систему знаков или просто знак»¹. Этим литература и искусство были причислены к семиотическим явлениям. Предпосылкой изучения литературы на основе принципов семиотики послужила родственность ее естественным языкам в коммуникативном плане. В «Курсе общей лингвистики» (1916) швейцарский ученый Фердинанд де Соссюр указал на то, что схема коммуникативного процесса едина: отправитель кодирует, т. е. переводит мысли в знаки, и передает сообщение, которое воспринимается и декодируется адресатом. Языковое сообщение и есть знак, или система знаков, семиотическая система. В знаке в неразделимом единстве присутствуют два элемента: означающее (*signifiant*) — акустическая или графическая форма, и означаемое (*signifié*) — содержание, т. е. объект или концепция, которая существует вне знака и к которой

¹ Цит. по: Winner Th. The aesthetics and poetics of the Prague linguistic circle// Poetik. The Hague; P., 1973. № 8.

этот знак отсылает. Семиотики выявили в литературном языке уровни и специфику из взаимоотношений, ранее не известные науке о литературе. Константой семиотических теорий является акцент на коды, структуры, системы, и прежде сего — на их «ансамбль», т. е. на то целое, которое они образуют и вне которого в отдельности они теряют свое значение.

В процессе долгой миграции понятия «знак» (вплоть до конца XX в.) и в результате его использования в разных литературоведческих школах (структурализм, постструктурализм, деконструктивизм) связь «означающего-означаемого» трансформировалась. В общепhilosophическом контексте эпохи к концу XX в. разрыв этих понятий привел к «освобождению» знака от значения, к своеобразной автономной жизни знака. Знак превратился в «след», отличающийся от знака тем, что «лишен связи с означаемым, которое предстает всегда отсроченным, отложенным на “потом” и никогда ни в чем не являет себя» (М. Эпштейн). Это след других знаков в данном знаке, а не след означаемого в означающем. «Следы» свидетельствуют об универсальной для западной культуры проблеме «исчезнувшей реальности».

В первой половине XX в. литературоведение в каждой из ведущих стран Запада имело свои характерные специфические направления. В Германии — это феноменология и герменевтика, трансформированные в 60-е годы в разновидности рецептивно-эстетических теорий. Во Франции — это структурализм, сменившийся в середине 60-х годов постструктуралистской доктриной. В англо-американском литературоведении — это почти 50-летнее господство «новой критики» и деконструктивистская практика в конце столетия.

В Германии на рубеже XIX—XX вв. произошел «духовно-исторический поворот», отход философской мысли вообще и литературоведения в частности от позитивизма, производивший на современников впечатление «духовной революции». Двумя крупнейшими проявлениями реакции на позитивизм были эмпириокритицизм и «философия жизни». С 90-х годов XIX в. критика позитивизма протекала по двум основным направлениям: с позиций новейшего естествознания и с позиций философского субъективизма. Принцип механического детерминизма и эволюционизма, лежавший в основе позитивистского мировоззрения, не отвечал последним достижениям естественных наук. Упрощенно-сглаженная картина исторического развития не удовлетворяла более общественное сознание. Философы все решительнее переносили центр тяжести своих рассуждений с анализа внешних форм детерминизма — социального, природного — в сферу внутренних детерминант — интеллекта и подсознания.

«Философия жизни» имела дело с ценностными объектами, с областью общественных наук, «наук о жизни». Она считала интуитивное постижение сути вещей методологически более совершенным, чем рациональные формы познания, не способные, по мнению ее адептов, адекватно отразить онтологически наиболее высокое проявление бытия — «жизнь».

Ведущий представитель «философии жизни» Вильгельм Дильтей (1833—1911) явился основателем философской герменевтики. Он разработал учение о понимании как специфическом методе «наук о духе», интуитивном постижении духовной целостности личности и культуры. Объектом познания В. Дильтей объявил не разрозненные факты реальности, взятые вне их всеобщих взаимосвязей (как это делали позитивисты), и не факты сознания, данные лишь в разуме и через него (как это делали кантианцы и эмпириокритики), а нерасчлененный комплекс материального и духовного, называемый «жизнью». Познать этот комплекс, по мысли Дильтея, может лишь интуиция, позволяющая «вжиться» в явления действительности. Концепции В. Дильтея оказали огромное влияние на гуманитарную науку XX в., и прежде всего на литературоведение, поскольку искусство понимания он основывал преимущественно на интерпретации литературных произведений.

В первые два десятилетия XX в. в Германии стало возможным выявление в искусстве и художественной практике феноменологических школ. Основателем феноменологии стал немецкий философ-идеалист, математик Эдмунд Гуссерль (1859—1938), стремившийся превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода. Его ученики Макс Шелер, Герхард Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Роман Ингарден внедрили феноменологические принципы в этику, социологию, юриспруденцию, психологию, эстетику, литературоведение. Э. Гуссерль считал феноменологию универсальной философией, на основе которой может быть произведена методологическая ревизия всех наук. Гуссерль полагал, что его метод является ключом к познанию сущности вещей. Для него не существовало дуализма «внешней» и «внутренней» реальности. Объект — это активность самого сознания; форма этой активности — интенциональный акт; интенциональность — конституирование объекта сознанием.

Начало феноменологического метода в эстетике и литературоведении — труд Гуссерля «Логические исследования» (1901). Принято различать четыре стадии в развитии феноменологии Гуссерля: описательную, эйдетическую, трансцендентальную и абсолютно феноменологическую. Из эйдетической феноменологии образуется школа «феноменологии сущности», к которой принадлежат В. Конрад, М. Гай-

гер и Р. Ингарден. В 1908 г. В. Конрад предпринял первую попытку применить феноменологию к философии искусства и литературоведению. Он считал предметом феноменологического исследования «эстетический объект» и отграничивал его от объектов физического мира. Системное развитие феноменологическая эстетика получила в работах Р. Оедбрехта и М. Гайгера в конце 20-х годов. Произведение искусства для них — интенциональный объект эстетического опыта. Конрад преследовал цель прояснить идентичность художественного произведения индивидуальным художественным переживаниям читателя. Это радикальное смещение акцента с проблемы художественной продукции на проблему рецепции явилось заметным поворотом в эстетике на Западе.

Вершиной феноменологического метода в эстетике является творчество польского исследователя Р. Ингардена (1893—1970). Он развивал эстетику рецепции, ориентированную на язык литературного произведения. В книге «Литературное искусство» (1960) получило классическое выражение главное устремление формалистического литературоведения — рассматривать литературное произведение как существующее «для самого себя». Ингарден соединил две точки зрения, вытекающие из гуссерлианского принципа интенциональности, — методологическую и онтологическую, придав этим феноменологической эстетике ту глубину, благодаря которой она оказала серьезное влияние на зарубежное литературоведение второй половины XX в. Феноменологическое исследование по своей природе «необходимо герменевтично». Интерпретация должна выполнять функцию конституирования «ноэматического», т. е. идеальной сущности, словесно закрепленной писателем. Поскольку литературный текст является сложным композиционным и концептуальным единством образного и абстрактно-понятийного, то любая интерпретация не может претендовать на то, чтобы быть окончательной. Интерпретация принципиально не может быть завершенной. Задача интерпретации — не просто выявление смысла данного текста, а «развертывание» этого смысла, выводящее интерпретатора за пределы произведения.

Разработка проблем феноменологии и герменевтики — существенный вклад, который внесла Германия в «науки о духе» в XX столетии.

В США на рубеже XIX—XX вв. литературный климат формировали писатели. Их деятельность, поднимавшая многие профессиональные вопросы, не дала, однако, значимых результатов для развития литературоведения как науки. Только к 1910 г. интеллектуальная и социальная активность в стране обрела форму литературной критики, ориентированной на теорию. Общее стремление понять происходящее в области литературы выразилось в развернувшейся в 10—20-е

годы борьбе направлений, «битве книг», имеющей исключительное значение для формирования литературоведения США. Попытки классифицировать критиков по школам осложнялись существованием бесчисленных переходных форм и вариантов. И тем не менее в критике США начала XX в. можно проследить три более или менее отчетливые ориентации.

Это так называемая школа академических «защитников идеального», восходящая к нью-йоркской «группе пятерых» (поэты Р.Г. Стоддарт, Т.Б. Олдрич, Э.К. Стедмен, Б. Тейлор, Дж.Г. Бокер). Критики этой ориентации были выходцами из среды консерваторов: У.К. Броунелл, Ирвинг Бэббит, Поль Элмер Мор. Два последних стали основателями «нового гуманизма» — первого оформившегося направления американской литературной критики с высоким для того времени профессиональным уровнем.

Именно в борьбе с неогуманизмом окрепла критика второй ориентации — «литературных радикалов», требовавших тесных связей между литературой и жизнью. В начале XX в. эта линия представлена в деятельности Ван Вик Брукса, Г.Л. Менкена, Льюиса Мамфорда, Уолдо Фрэнка и Рэндолфа Борна. Эти критики первыми поставили вопрос о традиции, которая стимулировала бы развитие литературы как демократического сознания нации.

Третье направление в литературной критике США этого периода — эстетическая критика. Ведущую роль здесь играл Джоэл Элиас Спингарн (1875—1939), программная лекция которого «Новая критика» (1911) дала название школе, которая стала новационной в литературоведении США. Литературно-критическое творчество Спингарна образовало связующее звено между поздневикторианским методом изучения литературы и текстуально-аналитическим методом «новой критики». Именно Спингарн проложил путь Т.С. Элиоту, Дж.К. Рэнсому, А. Тейту, Р. Блэкмуру и многим другим; в первое десятилетие XX в. они представляли собой еще неопределенную группу, а затем, пройдя сложную эволюцию, составили ведущее направление в англо-американском литературоведении. Основная концепция «новой критики», повлиявшая на западное литературоведение XX в. — утверждение, что произведение искусства существует автономно и противостоит действительности как замкнутый в себе «эстетический объект». Ценность произведения искусства — в самом факте его существования; «произведение искусства должно не означать, а существовать»¹.

¹ MacLeish A. *Ars Poetica*//The Oxford anthology of American literature. N.Y., 1938. XXX. P. 1705.

Неокритики Т. Хьюм и Т.С. Элиот, выступая за уничтожение механических форм употребления языка писателями-позитивистами конца XIX — начала XX в., сами, однако, продемонстрировали один из новейших вариантов позитивизма — стремление выдать язык за главный и даже единственный объект исследования.

Наиболее существенное влияние на литературоведение XX в. оказала неокритическая концепция «пристального прочтения» текста. Эта методика работы с текстами требовала от читателя концентрации внимания на произведении как таковом. Методика «пристального прочтения» тщательно разработана «новой критикой»: подход к избранному для анализа тексту как к автономному, замкнутому в себе пространственному объекту; осознание того, что при всей сложности и запутанности текст является организованным и целостным; понимание того, что перефразирование неэквивалентно поэтическому значению; стремление выявить цельность структуры в гармонии составляющих ее элементов; трактовка значения произведения лишь как одного из элементов структуры. Именно эта методика продолжает жить и сегодня; внутри ее границ, составляя ядро исследовательской работы, стремится утвердить себя практическая критика.

Во Франции первая половина XX в. была отмечена повышенным вниманием к результатам деятельности самого плодотворного и влиятельного французского критика предшествующего столетия Шарля Огюстена Сент-Бёва (1804—1869). В творческой деятельности Сент-Бёва, представителя историко-биографического метода в литературоведении, стали настойчиво выделять другой — «стилистический» — метод анализа. Привлекалось внимание к специфике художественного произведения, его стилю, экспрессивно-выразительным особенностям. Романтическая по своему происхождению «критика понимания» (*critique de comprehension*) сочеталась у Сент-Бёва с «критикой суждения и оценки» (*critique de jugement*), основанной на критериях классицизма. Эту двойственность исследователи наблюдают в литературоведении Франции и в XX в.

Историко-биографическую методологию унаследовала «университетская критика» Франции, которой противостояли исследователи, отдававшие дань эстетико-стилистическому анализу. Известны два конфликта в истории французской литературно-критической мысли: Г. Лансон — Ш. Пеги в начале XX в. и Р. Пикар — Р. Барт в 1965—1966 годы. Детальной исторической документированности, свойственной Гюставу Лансону, представителю культурно-исторической школы, поэт и критик Шарль Пеги противопоставлял внимательное прочтение текста. Тот же антагонизм определял и вторую дискуссию, главные участники которой Р. Пикар и Р. Барт были, однако,

едины в утверждении правомерности противопоставления во Франции «новой» и «старой» критики.

Французская «новая критика» — неоднородное направление. В 30-е годы она испытывала довольно сильное влияние со стороны английской «новой критики», прежде всего Кембриджской школы А. Ричардса и его последователей, а после 1945 г. — американского «нюкритицизма». В 60-е годы во Франции неожиданно произошла полная «перестановка сил», связанная с выдвижением Ж. Пуле и Р. Барта в качестве международных авторитетов и «крушением» американской «новой критики». Французская «новая критика» стала еще более формалистичной по сравнению с американским «нюкритицизмом».

В «новой критике» Франции можно выделить по меньшей мере пять школ, в целом противостоящих традиционной «классической» критике: феноменологическая (Гастон Башляр, Жорж Пуле, Жан-Пьер Ришар), экзистенциалистская (Жан-Поль Сартр, Жан Старобинский), фрейдистская (Шарль Морон), структуралистская (Люсьен Гольдман, Ролан Барт), тематическая (Жан-Поль Вебер).

Структуралистская школа (с т р у к т у р а л и з м) — безусловная новация XX в. Если рассматривать структурализм как метод исследования в свете традиций научного мышления, то следует отметить, что постулируемый им принцип а в т о н о м и з а ц и и изучаемого предмета восходит к идеям тех течений XIX в., которые стремились к методологическому обособлению специфики гуманитарных наук. Идеи структурализма были направлены прежде всего против позитивизма, эволюционизма, против доминирующей роли методов исторической науки в подходе к исследуемому предмету. Структурализм возник как попытка преодолеть кризис «наук о духе». Он прочно внедрился в социологию, антропологию, психологию, философию.

Структурализм в литературоведении связан с исследованиями в области языкознания, проведенными Ф. де Соссюром. В языке, представленном как семантическая система, структуралистов интересовали прежде всего внутренние (языковые) отношения между знаками. В литературоведческом структурализме XX в. с точки зрения степени объективности метода и учета исторических изменений исследуемого предмета обозначаются три разновидности: П р а ж с к и й л и н г в и с т и ч е с к и й к р у ж о к (Я. Мукаржовский), не принимавший во внимание качественные изменения предмета во времени; ф р а н ц у з с к и й с т р у к т у р а л и з м, сложившийся во многом под влиянием структурных исследований К. Леви-Стросса в области этнологии; с е м и о т и ч е с к а я ш к о л а, возникшая в 60-е годы

в Тарту под руководством Ю. Лотмана. Советские ученые не ограничивались литературной критикой: они описывали знаковые системы, относящиеся к различным областям культуры, и определяли свой метод моделирования как общенаучный, а не литературно-критический.

Во Франции собственно литературоведческий структурализм сложился в деятельности раннего Р. Барта, А.-Ж. Греймаса, К. Бремона, Ж. Женетта, Ц. Тодорова и др., а также в работах Л. Гольдмана и его последователей по Бельгийской школе социологии литературы. Время наибольшей популярности и влияния французского структурализма — середина 50-х годов, конец 60-х — начало 70-х годов. Имея явно лингвистическую ориентацию, французский структурализм принимал теорию знака де Соссюра как неразрывный комплекс «означающего» и «означаемого», не делимых друг от друга, как «две стороны бумажного листа». К концу столетия стало очевидным положительное значение этого, подчеркнутого структурализмом, единства акустического образа и означаемого им понятия. Датский лингвист Л. Ельмслев показал, что такой знак (т. е. знак денотативной системы) в свою очередь может превращаться в означающее для нового (коннотативного) означаемого, образуя в единстве с ним новый знак высшего порядка. Важные следствия имел вывод Р. Барта о том, что знаки следует изучать в рамках той системы, к которой они принадлежат.

В период с 1953 по 1971 г. Р. Барт издал одиннадцать книг по проблемам критики и методологии литературоведения и выдвинулся в число наиболее известных представителей структурализма во Франции. Согласно Барту, сущность литературы состоит в коннотации: «литературное» в словесном искусстве — это только вторичная знаковая система, развивающаяся на базе естественного языка и зависящая от него. Коннотированный (дополнительный — «символический», ассоциативный и т. п.) смысл литературы является «натурализованной» конвенцией, а сама литературная наука — частным случаем общей науки о вторичных знаковых системах, семиологии.

Функция обозначения в структурализме состоит в «переводе» общественных противоречий в чувственно воспринимаемые противопоставления. Процесс «перевода» есть процесс бессознательного освоения и преодоления человеком общественных противоречий. Барт выявил идеологическую ангажированность лингвистики. В самой первой своей книге «Нулевая степень письма» (1953) он усматривал в языке наличие идеологических коннотаций, подчеркивал идеологическую, культурную, политическую детерминированность всякой языковой деятельности. Барт считал язык средством идеологически окрашенного, т. е. «искаженного», образа действительности. И он пошел по стезе «разрушения» господствующего языка, стремясь вывернуть

знаки этого языка наизнанку, показать, как они «сделаны», открыть их коннотативный смысл. Барт показал «идеологическую и историческую обусловленность языка, претендующего на абсолютность и вневременность» (Г. Косиков). В этом идеологическая ангажированность семиотики самого Барта. К концу первой половины XX в. можно было говорить о существовании единого французского структурализма как одной из ветвей «новой критики» во Франции.

Середина столетия — период существенных перемен в литературоведении, затронувших все без исключения страны Запада. Во Франции в общем русле структурализма, особенно в конце 60-х годов, четко выявились отдельные течения и группировки. Свое направление наметилось у объединившихся вокруг журнала «Poétique» исследователей, которые тяготели к теоретическим проблемам истории литературы. Их привлекали эпохи «эпистемологических взрывов» (М. Фуко), в первую очередь эпоха Возрождения, во многом определившая, по их мнению, сегодняшнее состояние западной мысли. Они проявляли методологическую осторожность в заимствовании литературоведческих терминов из других дисциплин, в частности из психоанализа Ж. Лакана.

Группа «Телль Кель» получила свое название по парижскому журналу («Tel Quel»), где сотрудничали Ф. Соллерс, Ю. Кристева, Ж. Рикарду, Ж.-П. Фай, Ж. Женетт, Д.М. Плейне, Ж.-Л. Бодри и др. Участники этой группы были не удовлетворены установками структурализма. Ю. Кристева и ее муж Ф. Соллерс стали первыми теоретиками литературоведческого постструктурализма. Постструктуралистская программа «Телль Кель» была объявлена весной 1967 г. (№ 29); в ее формировании приняли участие Ж. Деррида и М. Фуко. Появление сборника статей группы «Теория ансамбля» (*Theorie d'ensemble: 1968*) ознаменовало собой «теоретически отрефлексированное становление французского варианта литературоведческого постструктурализма. Именно это событие часто рассматривается как хронологический рубеж, на котором постструктурализм из «явления в себе» превратился в «явление для себя» (И. Ильин).

Структурализм выполнил свою историческую задачу, которая состояла в преодолении эмпиризма и одностороннего социологизма, присущих позитивизму, а также психологизма и субъективизма, свойственных антипозитивизму. Структурализм противопоставил им принцип целостности произведения, реализующийся в понятии структуры. Как достижения структурализма следует отметить разработку принципов детального анализа произведения, восприятие литературного произведения во взаимосвязи всех его элементов, учет фактора нормы в строении произведения. Особенно ценны наблюдения в об-

ласти поэтического языка, стихосложения, сюжетосложения, композиции, а также введение принципа б и н а р н о й о п п о з и ц и и. Следует признать при этом, что в области литературы структурализм всегда был больше теорией, чем литературоведческой практикой.

В западном литературоведении первая половина XX в. заканчивалась кризисно. Профессор Калифорнийского университета Джон М. Эллис в своей проблемной книге «Теория литературной критики: Логический анализ» (1974) констатировал, что после выхода в свет в 1949 г. «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена в области литературной теории на Западе наступил период застоя. Терминология и аргументация, разработанные в годы активной научной деятельности теоретиков литературы между двумя войнами, остались неизменными. Кризисная ситуация усугублялась широко распространенной в конце 40-х — начале 50-х годов ориентацией западных теоретиков на так называемый «ученый эклектизм». Обладая кажущейся практической целесообразностью, на деле эклектизм свидетельствовал о неспособности к концептуальному теоретическому анализу, о неумении обобщать факты и выявлять основные тенденции.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в США. В результате деятельности «новой критики» американское литературоведение нисколько не приблизилось к созданию всеобщей теории литературы. При этом инерция неокритической традиции была настолько сильна, что попытки порвать с нею позже были освоены и поглощены «новой критикой» как часть ее собственной методологии. В серьезной теоретико-литературной работе «После ньюкритицизма» Ф. Лентриччиа называет двадцатилетие 60—70-х годов «смутным периодом»¹ Утрата «новой критикой» позиций ведущей литературоведческой школы, смена различных философско-эстетических ориентаций и главное — утрата американским литературоведением господствующего положения в теоретико-литературной мысли Запада обусловили отказ многих исследователей от создания работ обобщающего характера. Развитие американской критики новейшего времени попало в зависимость от западноевропейского философско-эстетического контекста, что свидетельствовало о перемещении центра исследовательской мысли в области теории литературы из США в Европу. В американском литературоведении с 1957 по 1977 годы можно выделить пять главных течений, хронологически следовавших друг за другом: 1) м и ф о к р и т и к а; 2) э к з и с т е н ц и а л и с т с к а я к р и т и к а; 3) ф е н о м е н о л о г и ч е с к и е ш к о л ы; 4) с т р у к т у р а

¹ Lentricchia F. After the New criticism. Chicago, 1980.

лизм; 5) постструктурализм, позднее сменившийся деконструктивизмом. Мифокритика Н. Фрая и феноменология — два наиболее ярких примера преодоления методологии «нюкритицизма».

Французский структурализм вызвал поначалу резко критическое к себе отношение и в американском, и в английском литературоведении. Импортированные из Франции теории, не нацеленные на практическое использование и достаточно абстрактные, к тому же отягощенные сложным терминологическим аппаратом, не могли не встретить враждебного отношения. Более того, они воспринимались как симптомы упадка французской культуры. И все же к середине 70-х годов структурализм завоевывает весьма прочную популярность в США. Ф. Джеймисон, Р. Скоулз, Дж. Каллер на основе выявления типологического сходства с теориями неокритиков предпринимают настойчивые попытки «инкорпорировать» структурализм в американское литературоведение. Распространение структурализма было обусловлено его обращением к системе языка, первичной функцией которого объявляется не референтивная (отсылающая к контексту, к реальности), а символическая функция. Именно символическое понимание функции литературы, которое было широко распространено в литературоведении США, послужило связующим звеном между американской и французской «новой критикой». Кроме того, применение структуралистских методов в литературоведении снимало болезненный для «новых критиков» вопрос о намерении (интенции) автора. Его решением стала концепция Ж. Лакана о бессознательном желании, якобы управляющем художником. Подверглась пересмотру также проблема «репрезентации», «имитации». С позиций структурализма речь идет не об имитации действительности литературой, но о повторении символической структуры, порождающей текст, поскольку язык сам определяет и детерминирует реальность. Воспитанных в духе «новой критики» американцев устраивало также отсутствие ценностного подхода в структурализме.

Другой содержательной тенденцией в литературоведении США 70-х годов явилась постепенная, но явно ощутимая смена ориентации: переход от неопозитивистской модели познания к феноменологической, постулирующей неразрывность субъекта и объекта в акте познания. Неокритическое рассмотрение художественного произведения как объекта, существующего независимо от его создателя и воспринимающего его субъекта, сменяется разработкой комплекса проблем, связанных с отношением «автор — произведение — читатель». Наиболее концептуальные литературно-критические школы этой ориентации: рецептивная критика, или школа реакции

читателя (Стэнли Фиш); школа критиков Буффало (Норманн Холланд, Хайнц Лихтенштейн, Дэвид Блейх, Мюррей Шварц).

Во Франции критика феноменологической ориентации оформилась в Женевскую школу, или критику сознания. Ведущими представителями ее были Ж. Пуле, Ж. Руссе, Ж.-П. Ришар, Ж. Старобинский; в США — Дж. Хиллис Миллер.

На формирование этих школ решающее влияние оказывала литературно-критическая мысль Германии, которая становится с середины 70-х годов генератором идей в литературоведении Запада. Рецептивно-герменевтические исследования западногерманских ученых ощутимо потеснили концепции французских структуралистов, находившиеся тогда в центре литературоведческих споров, сменив, в свою очередь, в данной роли американскую «новую критику».

В 70-е годы на Западе была еще достаточно сильна поляризация многочисленных литературно-критических школ по их приверженности либо сциентистскому, либо антропологическому типу построения концепций, проявившаяся прежде всего в противостоянии структурализма и герменевтики. Но уже в начале 80-х годов преобладает тенденция выравнивания литературно-критических процессов в странах Западной Европы и США, отмеченная возвратом интереса к культурно-историческому методу, к феноменологии и герменевтике исторической школы. Одновременно повышается внимание к изучению восприятия художественной литературы, к степени усвоения индивидом художественных достижений прошлого и его способности видеть в них источник формирования собственного сознания. Исходной методологической предпосылкой большинства литературоведческих работ становится объединение двух аспектов: изучение истории возникновения литературного произведения с помощью герменевтической интерпретации обогащается изучением истории воздействия произведения на читателя с помощью метода рецептивной эстетики и социологических исследований.

Непомерное разрастание научных исследований в области литературоведения привело к осознанию необходимости преодолеть методологическую разногласию. Осуществить это можно было не путем создания очередного нового метода, который бы участвовал своим собственным критическим инструментарием в непрекращающемся споре, но путем философско-литературного обобщения, осмысления и обоснования своеобразия литературы в составе культуры. Традиционно представление об универсальном методе в области гуманитарных наук связывалось с герменевтикой. Именно герменевтика как метод истолкования исторических фактов на основе филоло-

гических данных считалась универсальным принципом интерпретации литературных памятников. Предметом литературной и философской герменевтики, как уже говорилось, является интерпретация, «понимание». Функция интерпретации состоит в том, чтобы научить, как следует понимать произведение искусства согласно его абсолютной художественной ценности. Инструментом интерпретации считается сознание воспринимающей произведение личности, т. е. интерпретация рассматривается как производная от восприятия литературного произведения.

Теоретическое осмысление толкования и восприятия литературного текста в ФРГ в 70-е годы проходило в основном в рамках Констанцской школы критики. Наибольший интерес представляли работы главы этой школы, профессора Констанцкого университета Х.Р. Яусса и его коллеги В. Изера. Среди других приверженцев рецептивно-герменевтической ориентации привлекают внимание имена Р. Варнинга, П. Шонди, У. Нассена, К. Ваймара, Э. Лайбфрида, Э. Лобзье и др. Во Франции, в отличие от ФРГ, исследователи, которые вели работу в данном направлении, не были объединены организационно. Заметны исследования Ш. Гривеля, Ж. Леенхара, Ф. Лежена, М. Пикара, Ж. Женетта, Ж. Полана. В США наиболее известны своими исследованиями в области теории текста и его прочтения современниками М. Риффатерр и С. Фиш. Активно ведутся исследования в области литературной герменевтики и рецептивной эстетики в Нидерландах (А. Кибеди-Варга, Т. Ван Дейк, П. де Мейер, Х. Штейнмец), в Швейцарии (Л. Дэлленбах), в Италии (К. Ди Джироламо).

В исторической герменевтике видели фундамент формирования гуманитарного знания, системную основу гуманитарных наук. Современная же литературная герменевтика обходит эти вопросы и ориентируется на создание отдельных интерпретационных методик и моделей. До середины 60-х годов герменевтика была далека от господствовавшей в западном литературоведении тенденции рассматривать художественное произведение как замкнутую структуру, акцентируя внимание на условиях и функциях восприятия искусства. Однако современная литературная герменевтика вынуждена учитывать структуралистские, лингвистические и коммуникативные концепции, поскольку именно они исходят из наличия в творческом акте не только автора и сообщения, но и «потребителя» искусства. Современная литературная герменевтическая интерпретация (явление более многоплановое по сравнению с классической герменевтической интерпретацией) вобрала в себя и ассимилировала многие актуальные проблемы литературоведения и философии XX в.

Важнейшей тенденцией, также свидетельствующей о выравнивании литературно-критической мысли в странах Запада во второй половине XX в. является бурное вторжение в литературоведение постструктурализма с его отказом от логоцентризма западной философской традиции. Вся вторая половина XX столетия отмечена функционированием широкого и влиятельного интердисциплинарного идейно-эстетического течения, получившего название «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса» (И. Ильин), охватившего различные сферы гуманитарного знания, в том числе и литературоведение. Его теоретиками стали французские исследователи Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар и др. Ярким примером сдвига от структурализма к постструктурализму явилась книга Р. Барта «S/Z» (1970).

Постструктурализм постепенно вызревал в недрах структурализма и вплоть до середины 70-х годов продолжал существовать параллельно с ним. Лишь к началу 80-х стала ощутимой смена парадигмы внутри структурализма, разрыв с предшествующей традиций. Распространение идей постструктурализма в США в конце 70-х годов, получивших название «деконструктивизма», и выход в свет так называемого «Йельского манифеста» (1979) заставили исследователей признать постструктурализм самостоятельным течением в литературоведении.

Ключевой фигурой постструктурализма бесспорно является французский семиотик, философ, культуролог Жак Деррида, чьи многочисленные труды, — начиная с книги «Голос и феномен: Введение в проблему знака в феноменологии Гуссерля» (1967) и до работы «Психея: Открытие другого» (1987), — характеризуют его и как литературоведа. В деятельности этого ученого осуществлена глубинная взаимосвязь основных направлений теоретической мысли Запада в XX столетии, что позволило американскому философу Дж. Кануто в книге «Радикальная герменевтика: Повтор, реконструкция и герменевтический проект» (1987) посчитать французского ученого продолжателем «герменевтического проекта» Гуссерля и Хайдеггера. Ж. Деррида сочетал это с решительной критикой основного принципа структурализма — «структурности структуры». Он стал ключевой фигурой и в формировании американского деконструктивизма. Широкое распространение концепции Ж. Деррида получили лишь к концу 70-х годов, когда появились переводы работ «О грамматологии» (1976), «Речь и феномены» (1978), «Письмо и различие» (1978) и после прочтения им курса лекций в ведущих университетах США. Деконструктивизм в США был представлен сначала небольшой группой критиков: Х. Блум, Е. Донато, Поль де Ман,

Дж. Хартман, Дж. Хиллис Миллер и Дж. Риддел. К концу 70-х к ним присоединились более молодые — Ш. Фелман, В. Джонсон, Дж. Мелман, Г. Спивак и др. Они образовали так называемую Йельскую школу, просуществовавшую до середины 80-х годов.

В целом деконструктивизм предпринял резкую критику и структурализма, и герменевтической феноменологии; в соответствии с этим, а также в результате предпочтения «деструктивного действия» нередко он именуется постструктурализмом, или «постфеноменологией».

Многие из американских деконструктивистов начинали в русле феноменологии и прошли путь к деконструктивизму, минуя структурализм, потому что в США и структурализм, и деконструктивизм возникли как альтернативы феноменологии примерно в одно и то же время. Так, Каллер, Принс, Риффатерр, Скоулз выбрали структурализм, тогда как П. де Манн, Донато, Риддел, Миллер — деконструктивизм. Именно они ранее были феноменологами. Молодые американские критики, получившие образование в 60—70-е годы, стали постструктуралистами, не имея структуралистской практики, и постфеноменологами, не пройдя школы феноменологии. Многие американские деконструктивисты, воспитанные на концепциях «новой критики», восприняли у Жака Деррида лишь методику текстуального анализа, а его философская проблематика осталась за пределами их интересов.

Соссюровский структурализм Ж. Деррида характеризовал как последний пункт логоцентризма западной метафизической традиции, идущей от Платона и Аристотеля к Хайдеггеру и Леви-Строссу. Матрицей логоцентризма было определение «бытия как присутствия». Письмо оценивалось как некое присутствие голоса, вторичная речь, как средство выразить голос в качестве инструментального заменителя присутствия. Динамика такого «фоноцентризма» вобрала в себя целый культурный свод аксиологических оппозиций: голос/письмо, сознательное/бессознательное, реальность/образ, вещь/знак, означаемое/означающее и т. д., — где первый термин получает привилегированное положение. Структурализм Соссюра, как считал Ж. Деррида, располагается внутри этой эпистемологической системы. В противоположность структурализму Ж. Деррида утверждал, что письмо (*écriture*) — источник, начало языка, а отнюдь не голос, транспортирующий сказанное слово. Он перевернул традиционные логоцентрические полярности: письмо/голос, бессознательное/сознательное, означаемое/означающее и т. д.

Деррида пересмотрел логоцентрическую концепцию структуры, согласно которой структура зависела от центра. Функция состояла в стабилизации элементов системы, какой бы она ни была: метафизической, лингвистической, антропологической, научной, психологиче-

ской, экономической, политической или теологической. Какой бы сложной ни была логоцентрическая система, центр структуры гарантирует ее сбалансированность и организованность. Все традиционные центры имели одну цель — детерминировать «бытие как присутствие». Вокруг центра шла игра элементов структуры, но сам он в ней не участвовал. Центр ограничивал свободное движение или игру структуры; трансформация или перестановка членов запрещалась. Разрыв с традицией происходил в тот момент, когда структурность структуры стала предметом рефлексии, когда возникла мысль о том, что центра нет, что центр не имеет естественного местонахождения, что он не есть постоянное место, а «есть функция, не-место, где идет постоянная игра подстановок знаков» (Ж. Деррида).

Новизна подхода деконструктивизма к понятию структуры — в освобождении от установки на центр, каким бы и где бы он ни был, в достижении абсолютного отсутствия центра, точно так же нет такого слова, в котором содержалось бы происхождение его смысла. Смысл слов не в них, а между ними, и язык — всего лишь система различий, отсылаемых всеми элементами друг другу. Слово-ключ не существует, так же как и центр. Тогда-то, в отсутствие центра, язык вторгается в область универсальной проблематики, все становится речью, т. е. системой, в которой центральное обозначение никогда в абсолютном смысле не присутствует вне системы; отсутствие трансцендентного обозначаемого расширяет до бесконечности поле и игру значений.

Таким образом, Ж. Деррида выделил две исторические модели интерпретации — логоцентрическую и деконструктивную. Он предпринял деконструктивную атаку на логоцентризм структурализма. Деконструктивизм отличается от структурализма своим скептицизмом по отношению к лингвистической стабильности, структурности как таковой, философскому бинаризму, метаязыку. Смерть субъекта, провозглашенная структурализмом, была усилена деконструктивизмом, который провозгласил смерть человека и гуманизма.

Теория языка деконструктивистов размывала привязанность языка к концепциям и референтам. Язык детерминирует человека больше, чем человек детерминирует язык. Язык конституирует бытие; ничто не стоит за ним. Экстралингвистическая реальность — иллюзия. Вне текста нет ничего. Краеугольный камень деконструктивизма — текстуальность, которая завладевает онтологией. Литературный текст не вещь в себе, но отношение к другим текстам, которые, в свою очередь, также являются отношениями. Изучение литературы, таким образом, — это изучение интертекстуальности. Не существует нериторического, или научного, метаязыка критического письма, как бы ни ратовали за него структурализм и семиотика. Литературная

критика не может произвести строго «научный» анализ литературного текста. Редуцировать текст до «правильного», единственного, го-могенного прочтения — значит ограничить свободную игру его элементов. К середине 80-х годов о деконструктивизме в западной критике было написано больше, чем о какой-либо другой школе или движении. Деконструктивисты США заняли прочные позиции в университетах, ведущих издательствах и журналах, возглавили многие профессиональные организации.

Серьезные американские ученые озабочены проблемой национального своеобразия литературоведения. Книги Дж. Хартмана «За пределами формализма» (1970) и «Критика в пустыне» (1980) освещали состояние дел в литературоведении США в 60-е и 80-е годы. Первая книга — это характерная, но неудавшаяся попытка выработать критические принципы на основе соединения методов «пристального прочтения» (свойственного «новой критике») и феноменологических концепций. Вторая книга — это попытка противопоставить натиску деконструктивистского релятивизма и нигилизма собственно англосаксонские критические традиции, сохранить самобытность в условиях господствующего влияния новейших модификаций французского структурализма. Метафорическое название книги, взятое из статьи английского поэта и критика XIX в. М. Арнолда, воплощает основную беспокоящую критика идею.

Для английских деконструктивистов характерна ориентация на фигуру Ж. Лакана. Стремление вслед за ним теоретически оправдать процесс растворения, или децентрации, субъекта творчества объединяет столь разных английских исследователей, как Розалинда Кауард, Джон Эллис, Кэтлин Белей, Колин Маккейб, Стивен Хит, Э. Истхоуп и др. Ж. Лакан как бы ставит последнюю точку в пронизывающей весь XX в. проблеме «означаемо-означающее». Он призывал «не поддаваться иллюзии, что означающее отвечает функции репрезентации означаемого». Лакан освободил означающее от зависимости от обозначаемого, ввел понятие «скользящего», или «плавающего, означающего», отметил способность означающих к «игре» в отрыве от означаемого. Мысль Лакана о замещении предмета или явления знаком, связанная с утверждением отсутствия этого предмета или явления, — основа всей знаковой теории постструктурализма. На этом же постулате Жак Деррида построил теорию «следа».

В последнее десятилетие XX в. появились работы, авторы которых пытаются провести диалог между сторонниками деконструкции и ее противниками. Профессор Калифорнийского университета Дж. Эллис в своей книге «Против деконструкции» (1989) критикует деконст-

руктивизм за его демонстративный отказ от общих логических оснований, которые дают возможность создания теории литературы как науки. Эллис считает, что за внешне эффектными утверждениями стоят трюизмы, лишённые всякого интереса и продуктивности. «Когда говорят, что всякая интерпретация не может исчерпать до конца свой предмет, то высказывается общее место; только деконструктивист нормальную ограниченность всякой интерпретации превращает в аргумент против объективности вообще, да и против интерпретации как таковой». За на шумевшей концепцией текстуальности и «игры знаков» Эллис видит справедливое, но отнюдь не новое «представление, что текст неисчерпаем». Продуктивность критики связана, по Эллису, со способностью находить новые решения внутри традиции и на основе нормативных оценок, а не в создании «задиристых лозунгов» и «квазиальтернативного языка». Самым неблагоприятным следствием распространения деконструктивизма Эллис считает глубоко присущий ему «антитеоретический характер». Деконструктивизм вызвал хаотический поток критических работ, где налицо подмена «подлинной теоретической рефлексии иллюзорной»¹

Комплекс постструктурализма-деконструктивизма в конце столетия стал развиваться в сторону осознания себя как философии постмодернизма, тем самым существенно раздвинув сферу своего применения и воздействия. Характеризуя себя как наиболее адекватный очередному «концу века» менталитет, он начал осмысляться как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности, и прежде всего в искусстве.

Новации в гуманитарных науках, в том числе и в литературоведении, были встречены так активно потому, что они, казалось, способствовали появлению новых ценностей. На смену традиционным принципам, на основные которых мы оценивали наше поведение: гуманизм, этика, самоограничение, — ожидали эпоху индивидуальной свободы, самоосуществления, полной реализации себя. Но опьянение преобразованием всех ценностей, снятие постмодерном проблемы отчуждения вылилось на исходе XX в. в снятие самой проблемы реальности. «Она не просто отчуждается, овеществляется или обесмысливается — она исчезает, а вместе с ней исчезает и общий субстрат человеческого опыта, заменяясь множеством знаково-произвольных и относительных картин мира»².

¹ Ellis J.M. *Against deconstruction*. Princeton (N.Y.), 1989. P. 117

² Ibid. P. 117.

Первым опасность изменения качественных критериев, как ни странно, почувствовал Ф. Ницше: «Не стоим ли мы на пороге эпохи, которую прежде всего следовало бы назвать отрицательным термином “внеморальная”»? («Генеалогия морали», 1887). Именно это опасение побудило литературоведов к концу XX в. искать более устойчивые основания для сотрудничества с другими гуманитарными дисциплинами.

И мы явились свидетелями существенной трансформации сферы гуманитарных наук: философии, истории, литературоведения, лингвистики, психологии, социологии. Постепенно исчезала традиционная замкнутость этих наук в самих себе, в своем предмете исследований вследствие изменения самого этого предмета. Существовавшая и ранее прозрачность границ между гуманитарными дисциплинами сделалась более явной в силу того, что в центре научных интересов и исследовательских усилий оказалась проблема культурного сознания, специфика исторической ментальности, общая для всех гуманитарных наук. Недаром столь широкий резонанс получила концепция эпистемы М. Фуко — особого типа ментальности в понимании истории как ряда прерывностей, или концепция политического бессознательного Ф. Джеймисона как не осознаваемой писателем обусловленности его взглядов доминантными мыслительными структурами его времени.

Именно проблема непрямоносительности для современников своего собственного мышления стала предметом исследования теоретиков-гуманитариев, и прежде всего филологов, посвятивших себя анализу внутренней противоречивости художественных текстов. В русле этих исканий возникли теории симулякров Ж. Бодрийяра¹, шизофренического дискурса Ж. Делёза², концепции, базирующиеся на тезисе Ж. Лакана о взаимодействии в структуре сознания реального, воображаемого и символического начал³.

Одно из наиболее устойчивых в середине XX столетия на Западе представлений о культуре — это понимание функционирования ее как культурного бессознательного, которое лишь по мере отдаления в прошлое дает возможность исследователям осознать и проинтерпретировать его. Ощутимая историческая дистанция и предлагаемый компаративистикой сравнительный анализ

¹ Baudrillard J. Simulacres et simulation. P. 1981.

² Deleuze G. Logique du sens. P., 1969.

³ Lacan J. Écrits. P., 1966.

различных национальных и исторических типов ментальности создают условия для духовно-научной ориентации в рамках гуманитарного знания новейшего периода. Переориентация с изучения литературы на исследование культурного сознания побуждает литературоведов к активному изучению культурных феноменов самого разного характера, чтобы путем их критического сопоставления попытаться выявить и зафиксировать основные закономерности культурной жизни современности. Эта тенденция получила терминологическое определение как культурные исследования, сформировавшиеся в 80-е годы. Исследователи этого направления выдвинули аргумент, согласно которому культурный дискурс конституирует как основу социального существования, так и основу персональной личности. Задача культурных исследований состоит в изучении всей сети культурных дискурсов, что неизбежно повышает авторитет компаративистского метода анализа.

В США в русле культурных исследований ярко обозначился специфический аспект посткультурных исследований, вобравший в себя постколониальные исследования, проблемы культурного пограничья, культурной критики, черной эстетики. Все вместе эти явления дали основания для возникновения совершенно нового культурного феномена, получившего название мультикультурализма, или мультикультурного проекта. Ведущие его создатели — палестино-американский критик Э. Саид (в книге «Культура и империализм», 1993), индийцы по происхождению Г. Спивак и Х. Баба (в книге «Определение места культуры», 1994), афро-американец Г.Л. Гейтс-младший — оценивают мультикультурализм как дискурс «культурного разнообразия», «посткультурный дискурс», позволяющий говорить о «внезапном разрыве настоящего» на рубеже XX—XXI в. и дающий возможность реализовать глобальные тенденции в культуре на основе плюралистической культурной парадигмы, поликультуры¹.

Сторонники логоцентризма и культурной гомогенности считали западный характер ценностей универсальным; однако предоставленные мультикультурализмом возможности для самовыражения ранее «невидимым» культурным группам на исходе века выступают как новый постсовременный проект. Мультикультурализм особенно ярок в США из-за специфики американской культуры, связанной с проблемами региональной, этнической, расовой идентификации. «Слова,

¹ Bhabha H. The location of culture. L.; N.Y., 1994. P. 217.

еще совсем недавно имевшие нейтральный или сугубо положительный смысл — “универсальность” “качество”, “ассимиляция”, “европейский модернизм”, — вдруг стали восприниматься в прежде умеренной и нередко подчеркнуто аполитичной академической среде как признаки реакционной склонности к культурному неокOLONIALИЗМУ и империализму. Их место в центре современных культурных дебатов заняли новые понятия — “разнообразие” “релятивизм” “культурные различия” и, наконец, пресловутая “инаковость”, как и ставшая столь модной в последние годы поэтика и политика самоопределения другого».¹

Интересно отметить, что если в североамериканской и европейской культурах эти явления стали очевидными лишь к концу XX столетия — после постмодернизма, то в латиноамериканском искусстве и литературе эти принципы были заложены изначально. Тот рубеж времени, который литература мейнстрима ощутила на исходе XX в., в латиноамериканском сознании всегда был исторической реальностью.

Характерно само переосмысление понятия «пост» (post), трактуемого теперь не столько как «после» (постмодернизм), но как некий пост, маяк, новая точка отсчета, означающая завершение, радикальное переосмысление бывшего ранее. Именно так об этом пишут А. Адам и Х. Тиффин в книге «За последним рубежом: Теория постколониализма и постмодерна»². Осмысление этих новых тенденций, захвативших в последнее десятилетие XX в. внимание культурологов и литературоведов не только Америки, но и Великобритании, Франции, Канады, Новой Зеландии, Африки, Австралии, — задача ученых нового столетия.

Не менее актуальной задачей ученых сегодня является также анализ связи гуманитарных, в частности литературоведческих, проблем с общими для современной действительности проблемами глобализации и регионализма. Американский ученый Дж. Пайзер в статье «Гётевская парадигма “мировой литературы” и современная культурная глобализация»³ задается вопросом, насколько идея Гёте о мировой литературе, выдвинутая в 1827 г., применима к современной ситуации. Критик находит эту идею пророческой, поскольку «одноре-

¹ Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX в. М. 2000. С. 23.

² Past the last post: Theorizing post-colonialism and post-modernism.:Ed. Adam I. Tiffin H. Harvester wheatsheaf, 1991.

³ Pizer J. Goethe's «World Literature» paradigm and contemporary cultural globalization//Comparative literature: Eugene (OP), 2000. Vol. 52. № 3. P. 327—342.

менно с глобализацией мировой экономики была создана и истинная мировая литература — глобальная литература». Гёте, на взгляд Пайзера, по сути предвосхитил своей концепцией «современный культурный транснационализм». При этом критик призывает отказаться от статичной трактовки «мировой литературы» как «совокупности образцовых текстов всех времен и народов». «Мировая литература» должна, на его взгляд, стать динамичной концепцией, описывающей процесс «распада дискретных национальных традиций», рождения «глобального литературного рынка» и формирования «универсального мультикультурализма».

Итак, очевидно, что предмет науки о литературе к концу XX в. становится все более сложным, полифункциональным. Стремительно расширяется терминологический аппарат. Приведение такого аппарата в систему, организующую непротиворечивое представление о самой концепции литературы и ее главном продукте — литературном произведении — задача, стоящая перед современными теоретиками литературы, стремящимися к ее разрешению¹.

¹ См.: Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004.